

сказуемого. Предметом спора, таким образом, является не вопрос, к чему вести современное деепричастие-сказуемое — к второстепенному сказуемому (таков взгляд и нац, и С. Д. Никифорова) или к составному сказуемому (такого мнения придерживался А. А. Шахматов), а положение о том, чем является деепричастие в роли сказуемого в ряде современных местных диалектов — простым сказуемым или именной частью составного сказуемого (в результате имевших место изменений в значении деепричастия при употреблении его в роли сказуемого).

Мы полагаем, что возможность присоединения в современных местных говорах к деепричастию на *-вши* (*-мши*), *-дши* (*-тчи*) связи *был* (в некоторых говорах и *буду*) свидетельствует, что в этих говорах деепричастие в роли сказуемого является не второстепенным сказуемым, а составным сказуемым. Повидимому, именно это наше положение, требующее, без сомнения, дополнительных наблюдений над значением деепричастия-сказуемого в местных говорах (каким материалом русская диалектология почти не располагает), и встретило возражения со стороны С. Д. Никифорова. К сожалению, автор не показал, в чем ошибочность нашего взгляда, и не обосновал своей точки зрения.

В отделе о причастиях и деепричастиях много ценных выводов, тонких наблюдений. Бесспорный интерес представляют выводы автора, что местоименные формы причастий настоящего и прошедшего времени действительного залога во второй половине XVI в. употреблялись только в книжной речи, что принадлежностью книжного стиля³ того периода был причастный оборот с местоименной формой причастия действительного залога (в бытовой и канцелярской речи ему соответствуют относительные предложения с союзными словами), что местоименные формы причастия настоящего времени страдательного залога не были свойственны живой народной разговорной речи второй половины XVI в.

С. Д. Никифоров установил, что подавляющее большинство именных форм причастий действительного залога превратилось в деепричастия, но этот процесс еще не был полностью завершен во второй половине XVI в. Большое внимание уделено автором вопросу о синтаксических функциях различных форм причастий и о происшедших изменениях в синтаксической роли отдельных форм. Однако при выяснении вопроса о превращении именных форм причастия в деепричастие следовало учесть и имевшие место морфологические процессы, а не решать вопрос исключительно в плане синтаксическом. Остановившаяся на судьбе причастных форм, С. Д. Никифоров говорит и о безличных оборотах с именной формой причастия прошедшего времени страдательного залога, привлекая данные местных говоров и сопоставляя их со слухами, встретившимися в исследованных автором памятниках.

Несомненный интерес представляют отмеченные автором в «Домострое» конструкции: *А только у мужа в год все припасено, и реки и пшеницы и овса и гречи; А у доброго человека и у порядливой жены только пасено в пору* (стр. 323—324). С. Д. Никифоров с полным основанием сопоставляет эти примеры с употреблявшейся в местных говорах (встречается в ряде севернорусских говоров и в отдельных среднерусских говорах) конструкцией типа: *У меня уже два платья сшито*.

Весьма ценными являются выводы исследователя о том, что в грамотах причастия, употребляющиеся в терминологическом значении, трансформировались в прилагательные (*верующая грамота, царствующий град* и др.), что причастия страдательного залога, употребляющиеся без пояснительных слов (*чадо любимое* и др.) или же вошедшие в состав сложного слова — штампа церковного языка (*богоспасаемый град, богохранимый град* и др.), превращаются в прилагательные. Останавливаясь С. Д. Никифоров и на таком интересном вопросе, как субстантивное употребление причастий.

В итоге своих исследований автор пришел к важному и вполне обоснованному выводу, что «грамматические категории глагола русского языка к середине XVI в. в основном сложились» (стр. 336).

Книга С. Д. Никифорова, как мы отмечали, не свободна от недостатков. Основным пробелом является то, что автор не смог проследить глагольные формы в их историческом развитии. Тем не менее, несмотря на имеющиеся недостатки, исследование С. Д. Никифорова, посвященное русскому глаголу второй половины XVI в., представляет несомненную ценность для русского языкознания.

В. И. Борковский

Т. П. Ломтев. Белорусский язык, Изд-во Моск. ун-та, 1951. 132 стр.

1

Книга проф. Т. П. Ломтева выполняет один из пробелов в области учебной литературы по белорусскому языкознанию. Основываясь на учении И. В. Сталина о том, что «языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести

³ Сохраняем стилистические пометы автора.

языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка»¹, автор ставит своей задачей рассмотреть факты белорусского языка сравнительно с соответствующими фактами русского языка (стр. 5—6).

Книга предназначена для студентов государственных университетов, изучающих в качестве основной специальности русский язык и русскую литературу. Содержание книги — белорусский язык. Под белорусским языком мы разумеем совокупность всех его говоров и литературного языка, представляющих вместе единое целое.

Как предмет изучения белорусский язык распадается на современный белорусский литературный язык, в основе которого лежит современная его грамматика, белорусскую диалектологию и историю белорусского языка. Может быть также предметом изучения современный белорусский литературный язык в историческом освещении — с привлечением фактов из истории языка и диалектологии.

Характер такого курса как раз и носит книга Т. П. Ломтева. Она содержит ряд разделов, в которых рассматриваются процессы формирования белорусского национального и литературного языков и описываются лексика, фонетика, морфология и синтаксис современного белорусского языка. Факты современного белорусского литературного языка сопоставляются с соответствующими фактами русского языка, а также с данными современных белорусских диалектов. Кроме того, в ряде случаев автор приводит справки из истории белорусского языка.

Лучше всего сопоставление с фактами русского языка осуществлено в главе девятой «Особенности белорусского синтаксиса» (стр. 118—123): в ней, путем сравнения синтаксических фактов белорусского языка с русским, выделяются главные особенности белорусского синтаксиса.

Говоря о синтаксисе белорусского языка, автор пользуется также данными диалектов и фольклора. Но в таком случае надо было проводить сравнение не только с русским литературным языком, но и с русскими диалектами и с русским фольклором. Тогда многие особенности белорусского синтаксиса, определяемые на основании сравнения с русским литературным языком, нельзя было бы считать таковыми, потому что некоторые синтаксические факты, отмечаемые автором в белорусском языке, имеют соответствия и в русских говорах. Ср., например, оборот *на плюс вин. падеж* имени при глаголе *пайшоў*: *пайшоў на ваду* (§ 284); сочетание предлога *на* с местным падежом имени для обозначения пространства и времени: *працаваў на вечарах* (§ 290) и некоторые другие.

В ряде разделов («Образование основ имен существительных», «Образование основ имен прилагательных» и «Основы глагола») сравнение с русским языком совершенно отсутствует. Здесь надо было выделить те суффиксы, которые отличают белорусский язык от русского, и сделать обобщающие выводы — какие из рассмотренных суффиксов характеризуют белорусскую речь; единично сравнение белорусских форм с русскими также при рассмотрении склонения имен существительных, прилагательных, местоимений и числительных; вывода о белорусских формах, отличающихся от русских, нет. Словом, принцип сравнения белорусского языка с русским, положенный автором в основу книги, не проведен до конца (моменты подобного сравнения имеем только в § 43, 44, 70, 86, 141, 187, 188, 192, 199 и 210; последовательная реализация такого сравнения в книге в целом отсутствует).

На первом плане в книге, как это и должно быть, стоит современный белорусский язык, грамматическому строю которого в ней уделяется особое внимание. Весьма ценно здесь и то, что рассматриваемые явления сопровождаются примерами из художественных произведений классиков белорусской литературы и других современных белорусских писателей: Богдановича, Бровки, Бядули, Глебки, Коласа, Крапивы, Купалы, Лынькова, Самуйлёнка, К. Черного и др. Богата такими примерами глава девятая, встречаются они и в главе третьей (§ 142, 144, 152, 154 и др.).

Что же касается диалектологии и истории языка, то они занимают в книге весьма небольшое место. Особенно слабо представлена история языка — при описании ряда явлений исторические справки вообще отсутствуют. Имеющиеся справки исторического характера отрывочны и очень неравномерны: одни явления снабжены более или менее развернутым историческим комментарием (например, местоимения), к другим дан исторический комментарий чисто внешнего характера (например, к разделу «Склонение имен существительных»). Нам думается, что в такого рода пособии, каким является рецензируемая книга, исторический комментарий следовало бы давать лишь в том случае, если без него непонятен данный конкретный языковой факт современного языка (например, особенности форм прошедшего времени глагола). В остальных случаях сведения по истории языка носят настолько отрывочный характер, так мало объясняют систему современного языка в целом, что их можно было бы и совсем не приводить.

Ссылки на памятники встречаем главным образом в области фонетики, например в § 44, 46, 49, 65, 78, 96, 97, и далее — единичные ссылки в разделе о формах глагола,

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1953, стр. 33—34.

например в § 246, 247, 256. Названия памятников письменности и их даты — почти единичны в книге. Заменить их не могут встречающиеся в книге выражения: «в древнем языке» (§ 167, 170, 173, 176, 182), «в древности» (§ 245) и т. д. — они не определяют времени возникновения явлений.

Наряду с фактами литературного языка автор дает и диалектные явления, главным образом фонетические (например, в § 44, 49, 57, 59) и частично морфологические (например, в § 199, 245, 246). К сожалению, неясно, чем руководствуется автор, приводя одни диалектные явления и совершенно игнорируя другие. Не попали, например, в книгу формы им. падежа мн. числа мужского и женского рода *ваўке, даяўке, жанке, вянке*, отмечаемые в Минской и Бобруйской областях; формы твор. падежа мн. числа на -ам: *слезам, рукам, нагам*, отмечаемые на севере Белорусской ССР — в областях Витебской и Полодской; формы 1-го лица мн. числа глаголов: *могом, идом, ісывом, ляком*, встречающиеся в Гомельской, Мозырской, Бобруйской, Минской областях; такое морфологическое явление, как *саканье*, отмечаемое в Мозырской и Бобруйской областях, и т. д. Не сказано в книге о шепелявом произношении *з* и *с*, встречающемся во многих белорусских говорах. Вообще выбор диалектных фактов случаен, отрывочные, мимоходом сделанные замечания очень мало дают для знакомства с белорусской диалектологией и только перебивают связное изложение фактов литературного языка.

Нельзя не отметить, что в книге отсутствуют указания на местность, где распространена та или иная диалектная черта, поэтому читатель не может локализовать даже те немногие диалектные факты, о которых говорит автор. Для изложения данных из истории и диалектологии языка можно было бы ввести мелкий шрифт и дать относительно более полное представление о белорусских говорах и показаниях памятников письменности.

2)

Книга Т. П. Ломтева открывается «Введением» (стр. 5—18), где говорится о значении трудов И. В. Сталина по языкознанию для изучения языкового родства восточнославянских языков, а также излагаются процессы формирования белорусского национального и литературного языков, определяется положение белорусского языка среди других славянских языков, сообщаются краткие сведения о территории, занимаемой белорусами, кратко говорится о диалектах белорусского языка, дается, тоже очень краткая, характеристика белорусского языка и, наконец, приводятся некоторые сведения о современном белорусском правописании.

Процесс формирования белорусского национального и литературного языков очерчен очень кратко и в самом общем плане, без конкретного историзма, причем автор очень нечетко разграничивает процесс формирования белорусского национального языка и развитие одной из форм его — литературного языка. Упомянув буквально в нескольких словах о договорной грамоте с Ригой и Готским берегом (XIII в.), автор сразу же переходит к XVI в., причем переводы текстов священного писания на белорусский язык трактует почему-то как памятники белорусского литературного языка. Дальнейший процесс формирования белорусского национального языка автор излагает уже совсем в отрыве от конкретной истории.

Раздел (во «Введении») «Положение белорусского языка среди других языков» (следовало бы: среди других славянских языков) нуждается в дополнении: приведены черты (полногласие, судьба сочетаний *dj* и *tj* и др. — стр. 11), объединяющие в одну группу восточнославянские языки, но не показано — и читателю приходится принимать это на веру, — что указанные черты отличают эти языки от южных и западных славянских языков. В этом разделе автор обязан был более детально и более четко определить объект своего исследования — белорусский язык. Так, указывая характерные черты восточнославянских языков, к которым принадлежит и белорусский язык, автор ограничивается перечислением четырех фонетических черт, совершенно не касаясь особенностей морфологии и лексики. Однако и об этих фонетических чертах в книге говорится без достаточной полноты. Например, указав, что шипящие *жс* и *ч* получились из старых *dj*, *tj*, автор не указывает сочетаний *kt*, *gt*, которые перед гласными переднего ряда тоже давали *ч*.

Определение собственно белорусских черт тоже дано недостаточно полно и точно. Например, на стр. 11 говорится, что мягкие согласные *м'*, *д'* произносятся с незначительным свистящим призвуком, а на стр. 39 отмечается, что звук *ц'* (из *м'*) образует парное соотношение со звуком *ц*, т. е. отличается от последнего только мягкостью; между тем в звуке *ц* свистящий призвук не является незначительным.

В числе характерных особенностей белорусского языка необходимо было также отметить *γ* фрикативное. Правда, этот звук широко представлен и в южновеликорусских говорах, но ведь автор сравнивает белорусский литературный язык с литературным русским языком, которому свойственно *г* взрывное.

В числе характерных черт белорусского языка в целом автор называет *аканье*, которое он, отказываясь от общепринятого определения, очень неудачно определяет, как «различие в произношении ударных и неударных *а, о, е, 'а (я)*» (стр. 12). Это невер-

но и по существу, например по отношению к звуку *a* после твердых согласных, который в акающих говорах (и окающих) не имеет различия в произношении в ударном и безударном положениях. Ср. *трава́* — *травы́*, *дави́й* — *да́й* и т. п. То же можно сказать и относительно *a* после мягких согласных; ср. *цянну́* — *цяннем* и т. п. Кроме того, автор не указывает, что аканье — это явление первого предударного слога. Если же аканьем назвать не только известного рода вокализм первого предударного слога, то, по определению автора, к «акающим» можно отнести, например, говоры Владимирско-Поволжской группы, где во втором предударном слоге *o* произносится не так, как под ударением, т. е., по терминологии Т. П. Ломтева, имеет «различие» в произношении; ср. *гэловá* — *гэ́лвы*.

Характеристика белорусского языка вообще отличается неполнотой. Например, в числе общих с украинским языком черт не отмечены такие, как сохранение свистящих (в соответствии с задненёбными) в падежных формах (*ручэ́, назе́, сасе́* и т. п.). Те же черты белорусского языка, о которых говорится в книге, охарактеризованы неточно, что ведет к неверным выводам. Так, автор пишет о наличии в белорусском языке неслогового *y* (ý) после гласных перед согласными и в конце слов в соответствии с русским *л*, например: белорусск. *воўк, тоўсты, таўсяк*; русск. *волк, толстый, толстяк*. Отсюда следует, что звук *л* после гласного перед следующим согласным и в конце слов переходит в белорусском языке в *ý*. Сообразно с этим мы ожидали бы в белорусском языке: *ігоўка, поўка, гаўка, паўка, коў, поў, стоў* (при русском *иголка, полка, галка, палка, кол, пол, стол*), где *л* стоит после гласного перед следующим согласным и в конце слова. Однако этого в белорусском языке нет. В белорусском языке имеем: *воўк, тоўсты, поўны, даў, узяў, сказаў*, но: *іголка, полка, галка, палка, кол, пол, стол*.

Следовательно, формулировка условий, в которых в белорусском языке появилось *ý* на месте старого *л*, неверна. Она годится для некоторых северновеликорусских говоров, знающих *ý* в этих условиях, но отнюдь не для белорусского литературного языка, где были другие условия изменения *л* в *ý*. Современные белорусские наречия — юго-западное и северо-восточное, на которые распадается белорусский язык, охарактеризованы весьма кратко — всего четырьмя чертами каждое. Эту более чем неполную характеристику белорусских наречий, очевидно, следует, по мысли автора, сравнить с приводимой тут же — ниже — характеристикой литературного языка. Однако сделать это невозможно, так как, например по морфологии, в этой характеристике приводятся черты, о реализации которых в диалектах ничего не говорилось. Кстати заметим, что единственную морфологическую черту, которую автор называет для диалектов: оформление 3-го лица глаголов I спряжения, — он при характеристике литературного языка рассматривает как черту фонетическую (стр. 14). Поэтому у читателя не остается никакого представления о белорусских диалектах как местных разновидностях языка, специфика которых может быть осознана и понята лишь в сравнении с литературной формой того же языка.

Глава вторая «Фонетика» дает известное представление о звуковой системе белорусского языка, однако в ней тоже встречается ряд неточностей. О некоторых из них уже говорилось выше в связи с изложением особенностей белорусского языка в сравнении с другими славянскими языками.

Как общий недостаток можно отметить, что при описании звуков белорусского литературного языка автор не всегда отделяет привлекаемые им тут же данные диалектов, что мешает составлению вполне отчетливого представления о системе звуков литературного языка как таковой. Трудно также уяснить себе критерий, которым пользуется автор, привлекая к рассмотрению одни диалектные явления и совершенно игнорируя другие, не менее важные (см. ниже).

Некоторые вопросы фонетики так и остаются невыясненными в книге. Таково изложение вопроса об *ý*. Этот звук автор рассматривает при обзоре гласных (!) звуков (см. стр. 25) и не включает его в число губных согласных (стр. 33, § 67) там, где он рассматривает согласные в зависимости от места образования. Это не мешает ему, однако, упомянуть о данном звуке в том месте, где согласные рассматриваются в зависимости от способа образования. Таким образом, этот не то гласный, не то согласный звук оказывается несуществующим по месту образования и существующим по способу образования.

Рассматривая вопрос об этом же *ý* исключительно как о звуке, появляющемся в определенных позициях в результате фонетических изменений звуков *е, л* и гласного звука *у*, автор напрасно оставляет в стороне вопрос о широком употреблении этого же *ý* (или *е* билабиального; автор, видимо, не делает различия между двумя этими звуками, см. стр. 11) в положении перед гласными звуками в белорусских говорах.

В говорах, где говорят *воўк, воўче, вўтра*, этот звук уже нельзя рассматривать как результат позиционных изменений. Следовало бы здесь же указать и на отсутствие звука *ф* в подобных говорах, где он постоянно подвергается заменам.

Напрасно при обзоре консонантизма (стр. 32—45) в разделе о твердых и мягких согласных не показано соотношение звуков *да* и *да́* (из *д'*); хотя звук *да* встречается в немногих словах польского происхождения, но тем не менее он есть в фонетической

системе современного белорусского языка, и его надо было рассмотреть во всех его соотношениях с другими звуками. Кстати, в разделе о соотношении звонких и глухих согласных звук *дз* сопоставляется с соответствующим глухим звуком *ц*.

В главе «Фонетика» в качестве звуковых различий рассматриваются факты весьма ограниченного распространения, связанные лишь с определенными явлениями морфологического характера. Например, на стр. 29 говорится, что «в соответствии с белорусским литературным *ы* в диалектах встречается звук *э*: *кудэ* вместо *куды*; *хустачка сястры* вместо *хустачка сясстры*; *бочка вадэ* вместо *бочка вады*; *воз трава* вместо *воз травы*».

Прежде всего, *кудэ*, *сястры*, *вадэ*, *трава* в приведенных примерах — разные явления, вызванные разными причинами: *кудэ* вызвано или влиянием слов другой грамматической категории, или это измененная старая форма («*Кдбб*»), а *сястры*, *вадэ*, *трава* вместо *сястры*, *вады*, *травы* — также явление морфологического характера, но вызванное влиянием мягких основ женского рода на твердые, т. е. влиянием форм род. падежа ед. числа женского рода: *земле*, *воле* (из *землѣ*, *волѣ*) на формы *сестры*, *воды*, *травы*. Такие формы свойственны и севернорусским говорам.

Морфологическим по происхождению может быть также и *ы* вместо *у* в приводимых автором словах: *слых* (под влиянием *слышу*, *слышатъ*), *быццам* (под влиянием *быць*) и т. д.

«Звук *е* из *и* в безударном положении, — говорит автор, — может перейти в *а* в акающих говорах, например, *бляет*, *влянѣвы*; в глаголах 3-го лица единств. числа II спряжения: *нося*, *прося*, *ходя* и т. д.» (стр. 29). Но имеем ли мы здесь переход звука или замену его звуком *а* под влиянием акающих говоров? На правомерность последнего предположения указывают формы *нося*, *прося*, *ходя* и т. д., возникшие под влиянием I спряжения.

Отделы «Образование основ имен существительных» в третьей главе «Морфология» (стр. 46—65) и «Образование основ имен прилагательных» в четвертой главе «Имена прилагательные» (стр. 66—76) разработаны неплохо. Жаль только, что в них не проведено сравнение с суффиксами русского языка имен существительных и прилагательных; в связи с этим не остается ясного представления о системе суффиксов в белорусском языке, отличающей его от русского языка.

Кроме того, автор не всюду различает состав слова с точки зрения современного языка и с точки зрения этимологической, не учитывает процессов опрошения. Именно поэтому в книге продуктивные суффиксы не отделены от непродуктивных и обнаружены суффиксы в словах *знак* (стр. 46), *кажуш* (стр. 48), *цясло*, *дышло* (стр. 47) и некоторых других.

Указывая в § 124 на расхождение в роде имен существительных *боль* и *тень* в белорусском литературном и русском языках (в белорусск. *боль* и *тень* мужского рода), следовало бы сказать о таком расхождении и в ряде других слов, например, в весьма распространенных словах *гусь* и *собака* (в белорусск. языке *гусь* женского рода, а *собака* мужского).

Говоря в § 177 о сложном (или, как называет его автор, местоименном) склонении прилагательных мужского рода, надо было привести первоначальные, старые, наиболее типичные формы этого склонения, подвергшиеся затем влиянию форм местоимения *тот* (*того*, *тому*), и на них показать постепенность изменений (*добрагаго* > *добрагаго* > *добрааго* > *добрааго*; *добруаго* > *добруаго* > *добруаго* > *добруаго* > *добруаго* > *добруаго*). Это тем более необходимо, что эти формы являются ярким примером, иллюстрирующим учение И. В. Сталина о том, что качественные изменения в языке совершаются «...не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества»².

В главе шестой «Местоимения» (стр. 84—91) в разделе «Склонение местоимений» следовало бы пояснить, почему местоимения женского рода выделяются в особое склонение и почему этого не произошло в сложном склонении имен прилагательных.

В § 217, в том же разделе, отмечая отсутствие в белорусском языке энклитик *ми*, *ти*, *си* и *мя*, *ся* в формах дат. и вин. падежей, автор говорит о сохранении их в современных русских диалектах и приводит пример: *Я те дам*, — где *те*, по его мнению, является такой энклитикой, заменившей более старое *ти* под влиянием формы *тебе*. Энклитикой называет частицу *те* в предложениях: *Я те дам!*, *Вот те на!* — и А. С. Никulin³.

Основываясь на примерах употребления частицы *те* в произведениях русской художественной литературы второй половины XVIII в. и на данных русской диалектологии, можно с уверенностью сказать, что частица *те* появилась в русском языке без всякой связи с энклитикой *ти*.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 27.

³ См. А. С. Никulin, Историческая грамматика русского языка, Л., Учпедгиз, 1941, стр. 54.

В перечне предлогов (а их три: один — в разделе «Формы падежей», § 132, и два — в разделе «Предлоги», § 275) имеются пропуски. Например, в перечне предлогов с род. падежом пропущены предлоги *супроць, сярод, акрамя, між, паміж, з*; с вин. падежом — *скрозь, з, па*; с твор. падежом — *між, з*; с местн. падежом — *на*. Аналогичные явления имеются и в других перечнях.

Существенным недостатком книги является отсутствие в ней главы, посвященной ударению в современном белорусском языке — одному из интереснейших и важнейших вопросов белорусского языкознания. Нельзя не указать как на недостаток и на отсутствие в книге библиографии соответствующего содержания. Книга предназначена для государственных университетов, она рассчитана на учащуюся молодежь — пытливую, вдумчивую, способную заинтересоваться любым специальным предметом. И вот для этой-то молодежи и необходима библиография с небольшими аннотациями к названным работам.

Наконец, есть в книге недосмотры (их целый ряд; некоторые из них мы уже отмечали выше: пропуск предлогов и пр.), указывающие на невнимательное отношение автора к своей работе. Так, на стр. 100 названы наклонения: повелительное, изъявительное и сослагательное (порядок наклонений — автора книги); в дальнейшем же о «сослагательном наклонении» ничего не говорится, а на стр. 107 рассматривается «условное наклонение», т. е. единства в названии одного и того же явления нет.

На стр. 37 в § 83, говоря о том, что «звук *ф* соответствует иноязычному *f*, греч. *φ* (фи), например, *форма, фунт, фантазия, тиф, фабрика, фельчар*», автор ошибочно отнес сюда такие слова, как *форма, фунт, фельчар* и др., у которых *ф* не находится в соответствии с греческим *φ* (фи), — они не греческого происхождения. Выражение «греч. *φ* (фи)», взятое в запятыя, поясняет, что под иноязычным *ф* автор разумеет греческое *φ* (фи).

На стр. 12 в § 14 мы имеем дело, повидимому, с простым недосмотром автора: вместо «звуки *ы* и *и* в соответствии с русскими *о* и *и* перед *и* или *ј*», следует читать: «Звуки *ы* и *и* в соответствии с русскими *о* и *е* перед *и* или *ј*». На стр. 60 в § 144, п. в указано окончание -*ей*, повидимому вместо -*ей*; см. примеры: *сані — саней, сені — сяней, дзверы — дзвярэй, грудзі — грудзей, куры — курэй*.

Транскрипция автора в ряде случаев очень неточна: например, на стр. 15 в § 25 вместе с гласными *о, э* указываются также *'е, ё*. Встречается и немало опечаток.

О книге Т. П. Ломтева можно говорить лишь как о пособии по современному белорусскому языку, в котором к тому же было бы очень важно устранить в дальнейшем целый ряд несогласованных моментов и дезориентирующих читателя неточностей. Книга нуждается в хорошей обработке ее ответственным редактором (проф. П. С. Кузнецов — ответственный редактор книги — при подготовке первого издания этой работы явно не провел). Вопрос о привлечении диалектных данных и о месте исторического комментария к фактам белорусского языка разрешен в книге недостаточно продуманно и в целом неудовлетворительно.

Диалектные данные привлекаются в большой степени случайно, исторический комментарий дается непоследовательно. Возможно, что книга значительно выиграла бы, если бы ее автор не ставил своей задачей при столь сжатом объеме сообщить читателю одновременно сведения по современному белорусскому языку, его диалектологии и истории.

П. А. Расторгуев

J. Casares. Introducción a la lexicografía moderna.—Мадрид, 1950. 354 стр. (Х. Касарес. Введение в современную лексикографию.)

«Введение в современную лексикографию» представляет собой цикл лекций, прочитанных в семинарии, организованном для составителей будущего исторического словаря испанского языка. Самый характер задания наложил на построенный курс лексикографии заметный отпечаток: наряду с попытками разрешить ряд теоретических проблем, связанных с лексикографическими исследованиями, автор дает наглядные уроки технического оформления отдельных статей исторического словаря.

Книга состоит из трех частей и «Введения», написанного В. фон Вартбургом. В первой, общей части работы (Generalidades) автор делает попытку определить место лексикографической науки в ряду смежных дисциплин: этимологии, семасиологии, стилистики и др. Х. Касарес широко декларирует утилитарный характер лексикографии. Лексикография, по Касаресу, — это не наука, а некий свод технических правил, приемов и способов обработки словарного материала национального языка, которые вырастают не из общей теории лексикографии, а механически «сшиваются» из дискуссионно непосредственно связанных с лексикографической работой наук.

Непонимание общественной природы языка, отсутствие четкого представления о его общенародном характере приводит к тому, что вместо объективного воссоздания картины жизни языка (его лексики), представляющего определенную систему, исторически возникающую и развивающуюся по своим собственным внутренним законам,